

Прививка от ностальгии

Концерт для фортепиано с оркестром
Рустема Яхина

Наиля
ШАРИФУЛЛИНА

Когда мне было четырнадцать лет, мои родители разошлись, и мы с мамой и маленькой сестрёнкой решили переехать жить в Ульяновск. Через год, окончив восьмой класс и музыкальную школу, я поступила в Ульяновское музыкальное училище. Вернувшись в Казань, остаток лета провела в состоянии эйфории: как же, студентка первого курса фортепианного отделения! Мой дом располагался напротив гостиницы «Волга», и мы всем двором ходили купаться то на Казанку, то на дамбу.

С начала учебного года, пока мама подыскивала подходящий вариант квартирного обмена, я жила в Ульяновске у бабушки — эби. Её деревянный дом с садом-огородом находился в северной части города, где жило много татарских семей, и на улицах можно было услышать татарскую речь. Мне было пятнадцать лет, я мечтала стать великой пианисткой и сыграть, например, все этюды Шопена. Мой педагог по специальности Тамара Абдулловна Уразгельдеева

¹Шамаиль — красиво оформленное в виде картины изречение из Корана.

к этой мечте относилась очень серьёзно, ни тени иронии не замечала я в её глазах.

В октябре заведующая кафедрой фортепианного отдела Ирина Афанасьевна Гладких сыграла на концерте со студенческим оркестром первую часть фортепианного концерта Рустема Яхина. Событие это было заметным «в маленьком и тихом городе Симбирске...» Филармонического симфонического оркестра там тогда ещё не было, гастролирующих пианистов тоже. Всё появится вдруг разом через три года, к столетию со дня рождения Ленина, когда город преобразится до неузнаваемости и переживёт в своей истории пик популярности.

Гордая музыка Рустема Яхина как будто предугадывала этот всплеск событий. Затаяв дыхание, слушали мы вздымающиеся аккорды ведущей темы, следили за её судьбой, как она никла и возрождалась к жизни.

После ноябрьских праздников Тамара Абдулловна вдруг вызвала меня и спросила: «Ты на праздники ездил домой?»

Я отрицательно помотала головой.

— Вот сегодня и поедешь, отвезёшь в Казань партитуру Яхина.

Поезд был вечерний, договорились, что мне помогут старшекурсники: Юрий Попов подвезёт партитуру прямо к вокзалу, а дру-

гой проводит домой, подождёт, когда я соберусь, и потом — к поезду. Провожавший меня Костя Лапин с интересом рассматривал убранство татарского дома: ходики на стене, шамаиль¹ над кроватью эби.

На следующее утро в Казани я отнесла партитуру в Союз композиторов, оставила там свой домашний телефон. Когда пришла домой, мама сказала, что звонил Рустем Яхин. Она была явно под впечатлением разговора с ним.

Вскоре мы окончательно перебрались в Ульяновск. Сестрёнка пошла в садик, мама начала работать в соседней школе, жизнь продолжалась. Только вот с этого момента мне стала сниться Казань. Невыразимо прекрасной вставала она в моих снах.

Волга за окном превращалась в лазурный берег моря, двор между моим домом и гостиницей был увенчан стеклянным куполом, как в Пассаже на улице Ленина. Это было так часто и так мучительно, что я вскоре поняла: окончу училище и обязательно поступлю в Казанскую консерваторию, вернусь в город моего детства. В свои пятнадцать лет я хорошо поняла, что такое ностальгия, и это было мне уроком на всю дальнейшую жизнь: из Казани — никуда!

Чтобы осуществить свою мечту, требовалось лишь побольше заниматься. Самым трудным было вставать ни свет ни заря, ехать в холодном трамвае, чтоб до начала занятий успеть позаниматься на фортепиано часок-полтора. В училище я отогревалась. В перерывах между разучиванием пьес подходила к окну и, расплющив нос о стекло, разглядывала прохожих на улице. Со стороны могло показаться, что я — в клетке, а они — на воле. Но на самом деле всё было не так, я чувствовала себя счастливой. На пюпитре стояли ноты Баха, Бетховена, Шопена, других композиторов. Это были мои лучшие друзья из разных стран и эпох. И они разговаривали со мною, стоило только дотронуться до клавиш фортепиано.

А на втором курсе случилось вот что. На переменах между занятиями кто-нибудь из девчонок-сокурсниц часто садился за инструмент. На этот раз сыграли Токкату марийского композитора Андрея Эшпая.

А я испытала маленькое потрясение: пентатоника²! Моя родная пентатоника, вот чего у меня не было почти два года!

После уроков я понеслась к Тамаре Абдулловне с просьбой дать мне что-нибудь из произведений Рустема Яхина. Решили выучить «Вальс-экспромт» к конкурсу произведений советских композиторов. Каким наслаждением было погрузиться в мир музыкальных образов любимого автора!

Летом Тамара Абдулловна переехала жить в Казань, передав меня «по наследству» своей подруге Людмиле Степановне Ушнурцевой. Я мечтала окончить училище фортепианным концертом Рустема Яхина, который так полюбился мне ещё на первом курсе. Новый педагог не возражала, вот только нот в Ульяновске не было.

Я написала композитору длинное письмо с просьбой прислать ноты, направив свой первый эпистолярный опус по адресу: Казань, Союз композиторов, Рустему Яхину. Вскоре пришла почтовая открытка от композитора, где он писал, что пока не располагает нотами, но как только они у него появятся, он сразу вышлет. Через два месяца я получила бандероль. Счастью моему не было границ!

Окончив музыкальное училище, я пришла поступать в Казанскую консерваторию. Летала по родному городу как на крыльях. Было лето 1971 года, канун юбилея композитора — в августе отмечалось его пятидесятилетие.

Первым делом я пошла по адресу, указанному на бандероли, возвращать ноты. В розовом платье с букетом розовых пионов предстала перед маэстро. Через прихожую меня провели в кабинет, в глубине кухни я видела его маму.

Рустем Хаджиевич смутился: «Ну что вы, ну зачем же цветы? Ну, как же?»

Я смущена была не меньше, оправдывалась и что-то отвечала в ответ. Весь диалог проходил в кабинете, я — в начале комнаты, он — поодаль около рояля. Я благодарила его, говорила, что окончила фортепианное отделение училища, а поступать буду на теоретический факультет, поэтому немного волнуюсь: как всё сложится.

— Может, мне позвонить кому-нибудь? — заботливо спросил Яхин.

— Спасибо, если можно... Правда, я знаю одного только педагога, и то понаслышке — Ольгу Константиновну Егорову.

²Пентатоника — звуковая система с пятью ступенями, свойственная некоторым национальным культурам — китайской, вьетнамской, татарской, марийской, башкирской, шотландской и др.

— Ну, давайте я позвоню Ольге Константиновне.

— Спасибо, Рустем Хаджиевич!

На прощанье он дал мне свой домашний телефон. На следующий день я узнала, что Ольга Константиновна не участвует в при-

НАУЛЬ КУРАМШИДИ

ёмной комиссии, а отвечает за всё Яков Моисеевич Гиршман.

Опустив двухкопеечную монетку в автомат в консерваторском вестибюле, набираю номер, волнуясь, объясняю ситуацию.

— Ну, хорошо, — доносится из трубки голос, — я позвоню Якову Моисеевичу.

— Спасибо большое!

Следующий раз я опустила монетку уже после окончания вступительных экзаменов.

— Рустем Хаджиевич, здравствуйте, я поступила!

— Поздравляю, — доносится знакомый голос. — Ну, как, Яков Моисеевич помог ли вам?

— Да, на один трудный вопрос я ответила наугад. А он в знак согласия прикрыл глаза.

— Значит, мой звонок возымел на него действие?

— Да, конечно, спасибо вам большое!

Ежегодно в конце ноября или начале декабря в Казани проходили пленумы Союза композиторов Татарии. В антрактах концертов я, завидев знакомую фигуру, спешила к Яхину, здоровалась с ним за руку и всегда говорила: «Добрый вечер, Рустем Хаджиевич! Рада вас видеть, помните, я вам писала...»

Он всегда улыбался и отвечал: «Да-да, конечно, помню... Как у вас дела?»

Какими словами выразить благодарность этому человеку, так сердечно отнёсшемуся к юной девушке из Ульяновска? Конечно, у меня закрадывалось сомнение, что он действительно помнил, но при его мягкости и воспитанности он и не мог ответить иначе.

Прошли-пролетели годы, я вышла замуж за композитора Шамиля Шарифуллина, наша дочь Гузель окончила консерваторию, играя в дипломной программе концерт для фортепиано Рустема Яхина...

А Ульяновск продолжает жить своей жизнью, переживая на своём пути взлёты и нелёгкие поры. Особенно красив он в конце мая, весь укрытый первой зеленью и похожий на цветущий сад под открытым небом. Центральная улица Гончарова обрывается неожиданно крутым спуском к Волге. Вид отсюда открывается необыкновенный: слева и справа огромная чаша воды, а там, где Волга уходит вдаль, нежно-голубая гладь сливается с небом. По контуру высятся покрытые лесами горы. Не каждый город может похвастаться таким великолепием, которое можно созерцать часами: снизу дует волжский ветерок, доносятся ароматы скошенных по крутому склону трав. Далеко внизу приветственно гудят кажущиеся с высоты игрушечными пароходы.

Это — Ульяновск, город, который научил меня понимать, что такое Родина.

Композитор
Рустем Яхин

Источник: Шарифуллина Н. Прививка от ностальгии. Концерт для фортепиано с оркестром Рустема Яхина // Казань. - 2011. - №8. - 52-55.